

только одною Ипатьевскою Летописью и отказавшись преднамеренно от всех посторонних пособий. Потому он принужден оставить без объяснения множество слов, которых значение можно определить или уже давно известно, например, *кация, скоро, оловир, паволока, скорлат*, и оставить их без объяснения только потому, что они объясняются не Ипатьевскою Летописью. Г. Чернышевский ставит вопросительные знаки при словах, относительно которых он нетвердо уверен, правильно ли они объяснены у него; такая осторожность была бы излишнею, если бы он не был слишком мнителен: его сомнение очень часто скрывает под собою решительную достоверность. Мы совершенно согласны с г. Чернышевским в необходимости отличать от народных русских слов слова, заимствованные в наши летописи из церковнославянских книг, и слова, составленные нашими книжниками в подражание греческим или просто для витиевагости (последние слова называет он риторическими); но нам кажется, что и здесь он слишком осторожен; по нашему мнению, из слов на букву с к церковнославянским или риторическим словам, кроме отмеченных г. Чернышевским, в его словаре относятся еще: *насажение, въселеная, свѣрпыи, прѣсвятыи, священомученик, осклабитися, свѣтоносныи, оусвѣтити, свѣтьлость, скрание, скрѣзь, неослабно, прѣславный, слышяние, слоужитель, основа, поспѣшание, поспѣшник, спѣшник, срьдъчныи, достоить, достойныи, достояние, достохвальныи, наставник, оставление, прѣставитися, прѣставление, стонание, ослѣпнати, строение, оустроение, поустроити, стоудьныи, осоудитися, осоужние, исоушити, въсѣяти, оусѣкнути, посягати.*

⟨ИЗ № 5 „ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК“⟩

Федон, или о бессмертии души, Моисея Мендельсона.
Перевод с немецкого В. Мызникова. Издание второе. Тифлис 1854. В 8 д. л. XXIX и 131 стр.

Мендельсонов «Федон» в русском переводе достигает второго издания! Следовательно, первое издание (правда, вышедшее еще в 1837 году) раскуплено? Это — явление утешительное в нашей литературе. Г. Мызников приобретает двойное право на благодарность нашу за свой перевод, когда мы видим, что его перевод сделан был не понапрасну, не остался навеки в книжных магазинах, как другие переводы и сочинения подобного содержания, а разошелся в публике. Объяснимся. Мы радуемся успеху «Федона» не потому, чтоб он мог в наше время считаться основательным трактатом о бессмертии души, а потому, что знакомство с сочинениями людей таких чистых и благородных душою, возвышенных по уму и по образу мыслей, как Мендельсон, приносит несомненную пользу читателям, хотя бы эти сочинения уже устарели.

Если мы, понимая беспредельность расстояния, отделяющего

область истин сверхъестественных, в которые мы верим, по божескому откровению, от земных истин, которые принадлежат человеческому разуму, не считаем мендельсонова «Федона» способным вполне убедить человека в том, в чем убеждает его только откровенное учение веры, то считаем эту книгу полезною и прекрасною по духу благородства и кротости, которым проникнута она, как и все, что писал Мендельсон, один из лучших и благороднейших людей своего времени, столь богатого благородными людьми. Личность Мендельсона, к сожалению, еще очень мало знакома русской публике, и потому считаем небесполезным сказать о нем несколько слов.

Мендельсон был другом и сподвижником великого и благородного Лессинга. Этого уже довольно для того, чтобы обеспечить ему наше уважение. Когда, по смерти Лессинга, Якоби начал чернить его, Мендельсон был так взволнован клеветою на образ мыслей своего покойного друга, что это огорчение, соединенное с усиленной работою над сочинением, которое бы оправдало великого мыслителя, было главной причиною его собственной смерти¹ — что лучше этого может доказать необыкновенную возвышенность души самого Мендельсона? Но есть и еще другое знаменитое доказательство того, как велика была, при всей энергичности и пламенности характера, доброта, снисходительность и кротость Мендельсона. Фантазер Лафатер, переведя фантастическую книгу другого мечтателя, Боннè, и зная, что Мендельсон не разделяет понятий Боннè, посвятил ему свой перевод, требуя в предисловии, чтоб Мендельсон опроверг мысли, изложенные в книге Боннè, или отказался от своего прежнего образа мыслей, как несправедливого. Вызов, к которому Мендельсон не подавал никакого повода, был совершенно неприличен и заслуживал самого жесткого осуждения или, скорее, негодования, потому что ставил Мендельсона в положение очень опасное: странных мыслей Боннè нельзя было опровергать, не навлекая на себя страшного мщения людей, признававших их справедливыми и могущих погубить Мендельсона. Мендельсон доказал это Лафатеру с такою снисходительностью и кротостью, что Лафатер (человек чрезвычайно упорный в своих фантазиях и до крайности самолюбивый) понял свою ошибку и просил извинения у своего противника. Примеров такого торжества не много в истории: вести себя в споре так, чтобы самолюбивый противник сознал себя виновным и раскаялся, — возможно только для человека с необыкновенною кротостью души.

Произведения таких людей всегда будут действовать на читателя благотворно духом истинной любви, от них веющим, хотя бы самые мысли, в них доказываемые, и не вполне соответствовали современному развитию науки. Поэтому смело пожелаем мендельсонову «Федону» достичь на русском языке третьего и четвертого издания. Перевод г. Мызникова очень добросовестен. Язык прост и ясен.